

Т. Д. Златковская

ПЛЕМЕННОЙ СОЮЗ ГЕТОВ ПОД РУКОВОДСТВОМ БИРЕБИСТЫ (I В. ДО Н. Э.)

В современной науке все еще остается невыясненным¹ вопрос о характере общественного и экономического строя того политического объединения, которое возникло под руководством Биребисты в середине I в. до н. э. на огромном пространстве от Большой Средне-Дунайской низменности до Буга, от Карпат до Балканских гор, и стало грозным противником Рима.

Одни ученые вообще не занимаются исследованием социально-экономического строя союза, возглавлявшегося Биребистой, и, хотя употребляют по отношению к нему термины «Staat», «puissance», «Reich», «empire»¹, однако, повидимому, не вкладывают в эти выражения определенного социального смысла. К. Дайковичу, касающийся этого вопроса в связи с археологическим исследованием дакийских поселений и крепостей в юго-западной Трансильвании, которые он датирует I в. до н. э. — I в. н. э., полагает, что эти крепости были центрами гетского примитивно-рабовладельческого государства².

Напротив, Т. В. Блаватская, Н. Ф. Мурыгина и автор настоящей статьи³ полагают, что объединение гетов I в. до н. э. следует считать союзом племен. Однако свое мнение эти авторы никак не аргументировали, поскольку они касались этого вопроса лишь мимоходом.

*

Прежде чем приступить к изложению социально-политической истории гетских и дакийских племен, составлявших основное этническое ядро гетского союза I века до н. э., хотелось бы остановиться на выяснении этнической взаимосвязи между этими племенами⁴.

Дело в том, что в определении этнического состава объединения, возглавленного Биребистой, данные античных авторов расходятся:

¹ V. Párvan, *Getica, O protoistorie a Dacici*, MSI, ser. III, t. 3 (1926), стр. 732; C. Patzsch, *Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa*, SBWA, т. CCXIV (1932), стр. 42, 46; C. G. Grandis, *Burbista, RE*, III, стб. 2903; R. Vulpe, *La Gobroudja*, Bucarest, 1938, стр. 97—98.

² SCIV, 1953, № 1—2, стр. 209—212 и Доклад на секции античной археологии пленума ИИМК в апреле 1953 г., ВДИ, 1955, № 1, стр. 193.

³ Т. В. Блаватская, *Западно-понтийские города в VII—I вв. до н. э.*, М., 1952, стр. 172; Н. Мурыгина, *Фракия и Рим*, М., 1951 (автореферат диссертации); Т. Д. Златковская, *Мэзия в I—II вв. н. э.*, М., 1951, стр. 7.

⁴ Этот вопрос был поставлен еще В. В. Латышевым, *Исследования об истории и государственном строе Ольвии*, СПб., 1887, стр. 154 сл.

одни говорят о гетском союзе и считают Биребисту гетом, другие, описывая те же самые события, называют союз под руководством Биребисты дакийским, а его самого — даком. В связи с этим остается выяснить, гетские или же дакийские племена составляли основное население территорий, расположенных к северу от Дуная (Нижне-Дунайская и Средне-Дунайская низменности и Карпаты) в I в. до н. э.

Сопоставление текстов, проливающих свет на этот вопрос, показывает, что все греческие авторы, которые описывали события за Дунаем, происходившие в III—I вв. до н. э., вплоть до времени Диона Кассия (II—III вв. н. э.), считали основным населением этих территорий гетов. Так, Дион Хрисостом (XXXVI, 4, 5 = ВДИ, 1948, № 1, стр. 229), специально занимавшийся историей гетов, говорит об их походах к северу от Дуная во времена Биребисты; Аппиан сообщает, что Персею пришлось столкнуться с гетами, жившими за Дунаем, и что Цезарь перед смертью собирался в поход за Дунай на гетов (Шуг., 13; ВС, III, 25); Павсаний (I, 9, 6) и Арриан (Anab., I, 3, 5) свидетельствуют о столкновениях греков с гетами за Дунаем в эллинистическое время и т. д.

Упоминание же о даках относится к рубежу нашей эры и встречается только в латинских источниках. Впервые¹ упоминает о них Юстин (I в. до н. э.), который начинает свое повествование словами, как бы объясняющими читателю появление нового этнического наименования: «Даки являются потомками гетов» (XXXII, 3, 16). В дальнейшем, во II в. н. э., у Флора и Светония термин «даки» в применении к задунайским фракийцам полностью уже вытесняет наименование «геты». И тот и другой, сообщая о событиях за Дунаем в I в. до н. э. — I в. н. э., называют даками именно те племена, которые в греческой историографии, современной им и более ранней, именовались гетами. Очевидно, в греческой историографии, связанной с издревле установившейся традицией², дольше удержалось более древнее наименование задунайских фракийцев гетами, тогда как в латинской, начиная с I в. до н. э. и особенно с начала столкновения их с римлянами при Домициане и Траяне, утвердилось для них новое наименование — даки³. Очень четко эта мысль сформулирована у Плиния, который сообщает, что к северу от Истра прибрежные местности занимали «то геты, у римлян называемые даками (разрядка моя — Т.З.), то сарматы» (IV, 80 = ВДИ, 1949, № 2, стр. 278).

Появление нового термина может быть объяснено при помощи текста Страбона, который сообщает (VII, 3,13 и VII, 3,12), что в древнейшие времена на крайнем северо-западе распространения фракийцев у истоков Истра существовало одно из фракийских племен — племя (очевидно, в узком смысле этого слова) даков. Трудно объяснить, почему имя даков заменило впоследствии более раннее название задунайских фракийцев —

¹ О даках упоминается еще у Цезаря (BG, VI, 25), однако глава 25 VI книги считается более поздней интерполяцией (см. комментарий М. М. Покровского к «Запискам о Галльской войне», АН СССР, 1948, стр. 485).

² Ни у Геродота, ни у Фукидида не упоминаются даки. Гетов же они упоминают оба, локализуя их по эту сторону Истра, т. е. к югу от нижнего течения Дуная (Н е г., IV, 93; Т и с., II, 96, 1). Земли к северу от Истра Геродот (IV, 99) считает Скифией и не упоминает ни гетов, ни даков, ни вообще каких-либо фракийцев, что следует объяснить политической обстановкой его времени: в V в. границы Скифии простирались от Истра до Меотиды (Б. Н. Граков, Каменское городище, МИА, 36, 1954, стр. 22).

³ В официальной римской терминологии иногда еще сохранялось старое наименование: Лентул, проводивший в начале I в. н. э. удачную экспедицию за Дунаем, получает triumphalia de Getis, которые были установлены в 12 г. до н. э. Однако в Res gestae Divi Augusti упоминаются [D]a[cor]um exercitus и Da[cor]um gentes (гл. 30 и 31).

«геты». Можно лишь высказать предположение, что они удачно отразили натиск кельтских племен в I в. до н. э. и приобрели значительный вес среди других северных фракийцев, следствием чего и было распространение их имени и на другие фракийские племена.

У Диона Кассия, единственного автора, оставившего нам более или менее подробную историю дакийских войн начала II в. н. э., потомки гетов уже постоянно называются даками. Наименование «геты» совершенно отсутствует у этого автора даже для тех племен, которые живут к югу от Истра (LI, 6—8). Очевидно, имя даков к III в. н. э. продолжало распространяться и захватывало новые и новые ветви фракийских племен. Характерно, однако, что и в III в. н. э. еще не изгладилась память о гетах и о том, что потомки современных даков носили это наименование: Дион Кассий со свойственной ему добросовестностью останавливается на этом вопросе и, прежде чем излагать ход событий, оговаривается, что он называет «даками тех, которые сами себя так называют и как римляне их называют», хотя он хорошо знает, «что некоторые эллинские писатели называют их гетами, правильно это или нет» (LXVII, 6, 2). Отголоски старого наименования задунайских фракийцев гетами сохранились и в категорическом утверждении Диона Кассия о том, что даки «являются или ветвью гетов, или фракийцев дакийского племени» (LI, 22, 8).

Таким образом, мы приходим к выводу, что к изучаемому периоду времени изменение наименования задунайских фракийцев не следует связывать с какими-либо передвижениями племен или же с завоеваниями и сменой одного племени другим. Очевидно, изменено было только наименование: имя даков, принадлежавшее ранее лишь одному из западных северофракийских племен, распространилось на потомков тех, которые ранее именовались гетами. Поэтому термин «гето-даки», имеющий хождение в румынской литературе, можно считать вполне приемлемым для времени с I в. до н. э.¹

Приблизительные границы собственно гетских территорий очерчены у Страбона (VII, 3, 1). Линия распространения гетов на северо-западе и востоке идет от места резкого поворота Дуная к югу (в области современного Будапешта), по границам Геркинского леса (т. е. по горам, расположенным от этого поворота Дуная до Карпатских гор), касаясь подошвы гор и занимая некоторую часть их, а затем к северу до реки Тираса (Днестра). В полном соответствии с этим текстом находится другое сообщение Страбона (VII, 3, 13) о том, что через область гетов протекает река Марис (современный Марош), которая, как известно, впадает в Тиссу и несет свои воды через Трансильванию и Банат. Здесь же в Трансильвании, Банате и Валахии обнаружено большинство кладов с вещами гето-фракийского стиля, дакийских монет и мощные крепости и укрепления, связываемые всеми исследователями с гето-даками.

К югу от Истра собственно гетские территории простирались до Балканских гор², река Asamus (совр. Осым) являлась здесь, на юге, западной границей их распространения (Ptol., III, 10, 9).

*

Северофракийские племена значительно позже, чем южнофракийские, стали известны греческим историкам. До V в. до н. э. сведений о них нет.

¹ Так как в дальнейшем в основном речь будет идти о периоде до I в. до н. э., то мы предпочли именовать северофракийские племена гетами.

² Thuc., II, 96; Strabo, VII, 3, 2; Cass. Dio, LI, 27; LXVII, 6; Ovid., Ex Ponto, passim; Tristia, passim.

Первые упоминания о гетах у Геродота (IV, 93—96) и Фукидида (II, 97 и 98) не дают сколько-нибудь подробных сведений о социально-политической структуре этих племен. Указание Геродота на то, что геты вели «жалкую жизнь», слишком неопределенно, чтобы можно было делать какие-либо заключения, кроме того, что они стояли на более низком, по сравнению с греками, уровне развития. Однако вне сомнения то обстоятельство, что среди членов гетских племен во времена Геродота уже имело место расслоение и знатные пользовались большим почетом и уважением (Her., IV, 95)¹.

Археологические памятники, обнаруженные болгарскими и румынским археологами на территории распространения гетских племен, дают некоторую возможность дополнить сведения о них Геродота и Фукидида. Геты находились в это время на той стадии развития материальной культуры, которая в Карпато-Дунайских областях характеризуется появлением первого железного оружия, при продолжающемся бурном развитии форм медных и бронзовых орудий труда (ранняя железная эпоха). Развитие последних шло по линии усовершенствования уже имевшихся форм, которые достигают теперь значительно большего разнообразия и совершенства (V. Pârvan, ук. соч., стр. 766).

Очевидно, земледелие уже в эту эпоху было одной из главных отраслей хозяйства. Об этом свидетельствуют многочисленные находки серпов из бронзы и зернотерок из камня²; о полях, засеянных хлебом, сообщает Арриан (I, 4, 1—5). Безусловно, в это время существовал широкий межплеменной обмен: на территории Дакии найдены клады, содержащие множество бронзовых серпов, датируемых гальштаттским временем (V. Pârvan, ук. соч., стр. 766: клады из Spálnasa, Suseni, Panticieu, Kemecse, Pusztobodolyo, Kajnyikfalva). Наличие форм для отливки этих орудий ставит вне сомнения вопрос об их местном происхождении. Скорее всего такое скопление большого количества серпов в одном месте следует считать складом изделий ремесленника-литейщика и кузнеца. Возможно, что некоторые из этих изделий изготовлялись для продажи. Такая возможность подтверждается не только большим количеством кладов с серпами, но также и тем обстоятельством, что у гетов в этот период был выработан денежный эквивалент в виде золотых колец (браслетов)³ или бронзовых стрелок⁴, что исключает возможность трактовать этот обмен как исключительное явление. Наличие денежного эквивалента в виде стрелок и колец предполагает обмен в еще более раннее время, когда он производился, вероятно, при помощи истинных стрел и колец, и свидетельствует о сравнительно высоком уровне и объеме торговли.

Клады таких браслетов и стрелок датируются временем железной эпохи; распространение упомянутых стрелок болгарский нумизмат Т. Герасимов датирует более точно, относя его к IV—III вв. до н. э. Сфера распространения этих денежных эквивалентов была значительна: клады совер-

¹ Рассказывая о покорении Мегабазом Фракии, Геродот сообщает, что у «фракийцев существует обычай продавать своих детей на чужбину» (V, 6.). Однако трудно сказать с определенностью, распространялся ли этот обычай в равной степени и на гетов, так как именно их Геродот отличает от остальных фракийцев: «за исключением гетов, травсов и живущих над крестонянами фракийцев, все остальные имеют совершенно одинаковые нравы и обычаи» (V, 3).

² О земледельческих орудиях, найденных в Румынии, см. V. Sănaagache, *Ustensiles agricoles de l'époque ancienne sur le territoire de la République Populaire Roumaine*, SCIV, 1950, II, стр. 83—109.

³ B. Mitrea, *Il problema delle monete-anelli della Dacia*, «Dacia», VII—VIII (1941).

⁴ Т. Герасимов, Ськровище от бронзови стрели-монети, ИБАИ, XII (1938).

шенно сходных монет-стрелок найдены на полуострове Атия (Бургасский залив), в Измаиле близ г. Лйтоса (Восточные Балканы) и других местах, а деньги в форме золотых колец были распространены от лесистых Карпат до Тиссы. Нет сомнения в том, что эти стрелки — местные изделия, так как формы для отливки найдены вблизи кладов (ИБАИ, XII, стр. 424). Очевидно, обмен происходил не внутри одного племени, а охватывал различные племена.

Таким образом, здесь происходил процесс, сходный с тем, который охарактеризован у Энгельса: «С разделением производства на две крупные основные отрасли, земледелие и ремесло, возникает производство непосредственно для обмена, — товарное производство, а вместе с ним и торговля не только внутри племени и на его границах, но уже и заморская. Все это, однако, еще в весьма неразвитом виде...»¹.

Что касается вопроса о наличии у гетов эпохи раннего железа имущественного расслоения, то, с одной стороны, материал гетских некрополей и отдельных захоронений, обнаруженных на территории Карпато-Дунайских областей, как будто бы не дает оснований говорить о резком имущественном расслоении: могилы представляют собой обычно ямы небольших размеров, лишь иногда выложенные камнем; они содержат урну с обожженными костями, чашу или тарелку со следами жертвоприношений, оружие из железа: изогнутые железные ножи, наконечники копий (в мужских погребениях) и украшения из бронзы (в женских)². Лишь в некоторых из них сохранились очень незначительные остатки изделий из золота. Однако, с другой стороны, находки кладов свидетельствуют о наличии среди гетов людей, обладавших значительным имуществом. Такое противоречие между сравнительной бедностью гетских погребений и богатством кладов объясняется, по видимому, консерватизмом погребального ритуала, уходящего своими корнями в эпоху бронзы. Недавно происшедшие изменения в социальной структуре гетского общества еще не успели отразиться на погребальном инвентаре могил.

Для выяснения социального строя гетов в V—III вв. до н. э. существенным является наличие крепостей, укрепленных мест, куда в случае необходимости могли укрыться от врага члены племени. Остатки таких укреплений, расположенных всегда на возвышенном месте, обнесенных земляной или каменной оградой и рвом³, встречаются в различных местах Дакии (Almagul-Mare в Huniedoara, Belavâra в Sâtmar, Bihorulul близ Bihari Vâr, Petris близ Fizeşul-Gherlii⁴, в Tinosul около Плоешти⁵). Вероятно, об одном из таких укреплений говорится у Арриана, который, описывая поход Александра Македонского на гетов, живших за Истром, рассказывает, что войска Александра, перейдя реку, сначала продвигались по нивам, а затем вступили в сражение с гетами. Не удержав напора македонской конницы, геты «убегают в город, который был от Истра на расстоянии одного парасанга» (Anab., I, 3, 1—5). Здесь находились заранее отведенные сюда жены и дети гетов и их наиболее ценное имущество, которое и захватил Александр, разрушив город⁶. Эти кре-

¹ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, 1952, стр. 169.

² В. Миков, Могильни некрополи от Ловчанско и Тетевенско, ИБАИ, VI (1930/31), стр. 153—170.

³ V. P á r v a n, ук. соч., стр. 773; C. D a i c o v i c i u, Die dakischen Burgen im Südwesten Siebenbürgens, ИБАИ, XVI (1950).

⁴ V. P á r v a n, ук. соч., стр. 300—302.

⁵ R. et E. V u l p e, Les fouilles de Tinosul, «Dacia», I (1924) стр. 176—178.

⁶ V u l p e, Compte rendu du relevé archéologique des régions Mostištea et Călăraşi, ВСМЛ, XVII, вып. 40 (1924), предполагает, что гетский город, захваченный Александром, был расположен на месте современной Mostištea. на левом берегу Дуная.

пости были, вероятно, постоянным местом пребывания вождей отдельных гетских племен. Повидимому, об одном из таких племенных вождей упоминает Юстин (IX, 2), когда называет некоего «царя истрианцев» (rex Istrianorum), очевидно, вождя племени гетов, обитавшего близ Истрии.

Очевидно, в III в. до н. э. геты предприняли первую попытку объединения племен, продиктованную военной угрозой. В начале III в. возникло гетское «царство» во главе с Дромихетом, который в 292 г. сражался с Лисимахом и захватил его самого и его войско в плен¹. Удачное сражение с испытанным в боях сподвижником Александра было под силу лишь нескольким племенам гетов. Расположенное на территории «гетской пустыни» где-то между Истром и Днестром, «царство» Дромихета имело несколько укреплений, название одного из которых нам известно — Хелис (Diod., XXI, 12), а наличие других засвидетельствовано договором между Лисимахом и Дромихетом (Diod., XXI, 12; Paus., I, 9, 6).

Диодор (там же) дает интересную картину собрания гетских воинов, на котором решается вопрос о мире с Лисимахом. После того, как Лисимах и его войско были пленены, гетские воины собрались на военный совет для того, чтобы решить судьбу пленников. «Они говорили, что следует дать возможность войскам, которые участвовали в опасности, решить, как поступить с пленниками. Но Дромихет выступил против наказания царя и объяснил войскам, что лучше его сохранить, так как если его погубить, другие цари, которые захватят власть Лисимаха, могут быть страшнее его». Доводы Дромихета были приняты воинами, и Лисимаха освободили, получив от него территориальные уступки: гетам были возвращены их крепости к северу от Дуная, ранее захваченные Лисимахом. Таким образом, Дромихет выступает на этом собрании лишь как племенной вождь, не имеющий иной власти, кроме власти убеждения и авторитета.

Применение железа, отделение ремесла от земледелия, возникновение производства для обмена, появление денежного эквивалента, знаменующего собой начало торговли, имущественное расслоение среди гетов, появление союзов племен — все эти явления, характеризующие разложение родового строя, имели место в гетском обществе V—III веков, однако, они находились лишь на ранней ступени развития. Таким образом, можно говорить, что геты в V—III вв. до н. э. находились лишь на начальной ступени разложения первобытно-общинного строя.

*

Последующий период истории гетов (III—I вв. до н. э.) освещен в античной историографии очень плохо. Так, Страбон опускает историю гетов от Дромихета до Биребисты (VII, 3, 11: «Древнюю историю гетов мы опустим, а займемся современным нам»). Между тем именно на этот период падают, повидимому, весьма важные сдвиги в развитии производства, которое явилось предпосылкой возникновения крупного политического объединения гетов во времена Биребисты.

Именно к III—I вв. до н. э. относятся археологические материалы, свидетельствующие о значительном прогрессе сельскохозяйственной техники гетов. В эту эпоху появляется ручная мельница более усовершенствованного типа: с желобком для ссыпания зерна и хорошо пригнанной верхней частью. Так, ручные мельницы, находимые в ранних слоях поселения Пироборидава (совр. Пойяна) — крупного гетского поселения, давшего материал от эпохи бронзы до римского времени, представляют

¹ Diod., XXI, 12; Paus., I, IX, 6; Strabo, VII, 3, 8 и 14.

собой просто два массивных камня, между которыми растиралось зерно. В последних же слоях этого поселения обнаружено множество ручных мельниц упомянутого, более усовершенствованного типа¹. Железо получает теперь широкое применение не только при изготовлении оружия, как это было раньше, но и орудий труда. Появляются самые разнообразные, дифференцированные орудия труда: железные топоры, лемехи плуга, разнообразные формы серпов, кривые ножи виноградарей, косы, садовые ножницы, железные рыболовные крючки, долота, кочерги, трезубцы для верчения мяса и др. Основные из них (плуг, серп, топор, нож) представлены несколькими видами. Эти многочисленные орудия изготовлялись в специальных мастерских; клады, в которых было сосредоточено множество орудий одного и того же вида, найденные в крупнейших из них (близ Muncaci, в Grăditea-Muncelului, Costesti), бесспорно свидетельствуют об этом². Наличие садовых ножниц и ножей для срезки винограда является несомненным свидетельством значительного прогресса земледелия — развития садоводства и виноградарства.

Прогресс в металлургии нашел свое отражение и в гетской торевики³. Большое количество совершенно сходных между собой украшений, найденных в различных гетских областях, полностью совпадающих во всех деталях, заставляет нас присоединиться к мнению занимавшихся этим вопросом румынских археологов, которые считают, что многие из этих украшений сделаны в одной мастерской, а иногда и рукой одного и того же мастера. Связь между отдельными мастерскими, большинство из которых расположено в Трансильвании, выразилась в появлении во II—I вв. до н. э. своеобразного гето-дакийского стиля торевики, в котором сочетались древнейшие, идущие от эпохи бронзы, гетские традиции со скифским и кельтским влиянием. Инвентарь одной из таких ювелирных мастерских обнаружен в четвертом ($\beta' + \beta''$) слое (= Латен I и II) Пироборидавы.

Существенный производственный прогресс следует отметить и в керамическом производстве, где, начиная с латенского времени (с III в. до н. э.), применялся гончарный круг, появление которого обычно связывают с выделением гончарного ремесла⁴. Материал из археологических раскопок гетских поселений этого времени дает возможность проследить в развитии процесс постепенного внедрения гончарного круга в керамическое производство. Количество керамических изделий, сделанных на гончарном круге, увеличивается в более поздних латенских слоях гетских поселений по сравнению с более ранними, где преобладает лепная керамика⁵. Об этом же постепенном прогрессе в технике керамического производства свидетельствует и то обстоятельство, что многие формы лепной керамики предвосхищают формы кружалной керамики, а также наличие черепков, носящих следы неумелой работы на круге⁶.

Происшедшие изменения в технике производства, выделение ремесел повлекли за собой развитие местной и внешней торговли в значительно

¹ R. et E. Vulpe, Les fouilles de Poiana, «Dacia», III—IV (1933), стр. 322.

² V. Pârvaș, ук. соч., стр. 484—600; 779—781; R. et E. Vulpe, Les fouilles de Poiana, стр. 345; о н и же, Les fouilles de Tinolul, стр. 218; I. Andrieșescu, Piscul Crășani, MSI, сер. III, т. III (1926), стр. 97; SCIV, I (1950) стр. 48.

³ Dorin Popescu, Nouveaux trésors géto-daces en argent, «Dacia», XI—XII (1948); о н же, Objets de parure géto-daces en argent, «Dacia», VII—VIII (1941); SCIV, I (1950), стр. 48.

⁴ См. А. В. Арциховский, Основы археологии, М., 1954, стр. 99.

⁵ R. et E. Vulpe, Les fouilles de Poiana, стр. 345—346; о н и же, Les fouilles de Tinolul, стр. 203; I. Andrieșescu, Piscul Crășani, стр. 99—108.

⁶ R. et E. Vulpe, Les fouilles de Poiana, стр. 288.

больших масштабах, чем в предыдущий период. Находки в гетских областях множества монет, имевших широкое хождение в эллинском мире, а также монет западнопонтийских городов (Аполлонии, Истрии, Месембрии, Том, Одесса, Каллатии¹), указывают на развитие торговых сношений придунайских областей с эллинским миром.

Об этом же свидетельствует и археологический материал: многочисленные находки привозной греческой керамики встречаются во всех гетских поселениях III—I вв. до н. э. Особенно богатый материал об этом дают работы Владеску-Вульпе и Андриесеску о раскопках гетских поселений у современных Piscul Coconilor и Piscul Crasani². Большинство привозимых сосудов и их фрагментов представлено амфорами, игравшими роль тары для перевозки масла и вина³. Более тонкая керамика, сама по себе могущая служить объектом торговли, встречается значительно реже и отличается простотой: это сосуды совсем без орнамента или же бедно орнаментированные. Керамический материал показывает, что в IV и III вв. в гетской торговле доминировал фасосский импорт, а во II в. до н. э. — импорт Родоса и Книда⁴. Предметом ввоза служили также изделия из металла: вазы из бронзы, золота, серебра, канделябры, лампы, зеркала из бронзы. Вероятно, и в этот период, как это было во времена Полибия, из припонтийских областей греки вывозили рабов, мед, хлеб, скот, воск и соленую рыбу (Polyb., IV, 38, 4—5).

Если судить по тем данным, которые дают раскопки в Тинозуле⁵ и Пойяне⁶, то максимального размаха торговля гетов с греко-римским миром достигла во II—I вв. до н. э.

Широкое развитие местной торговли способствовало усилению экономических связей между отдельными гетскими областями. Прimitивные формы денег, имевшие хождение в предшествующее время, были заменены монетами. Помимо оригинальных монет эллинистических монархов, монет Фасоса и римских республиканских монет, в придунайских областях найдено множество монет, являющихся их имитацией. Появление такого рода чеканки А. Н. Зограф объясняет тем, что получившие широкое распространение монеты эллинистических монархов, проникавшие в течение долгого времени на территории соседних с греками или римлянами племен, становятся излюбленным средством денежного обращения. В случае недостатка этих монет «успевший привыкнуть к новому удобному средству денежного обращения местный рынок повелительно требует заполнения образовавшегося пробела»⁷.

Таким образом, появление местной монетной чеканки, копирующей монеты греков, является одновременно и доказательством широкого развития внутренней торговли между различными гетскими областями, и свидетельством издавна установившихся торговых связей с внешним миром.

Очевидно имитации чеканились для удовлетворения местного рынка, а не как замена греческой монеты, имевшей интерлокальное значение:

¹ Т. В. Блаватская, ук. соч., стр. 126, карта.

² R. Vladescu-Vulpe, Compte rendu sur les fouilles de Piscul Coconilor, BSMI, XVII, вып. 39; I. Andrieșescu, Piscul Crasani. При подсчете греческой керамики нельзя, однако, упускать из вида, что геты сами производили сосуды, в точности имитирующие привозные: об этом свидетельствуют керамические формы из Crasani, соответствующие формам греческой привозной керамики (I. Andreișescu, ук. соч., стр. 108).

³ Интересна находка амфоры, сделанной по мнению Е. и R. Vulpe, Les fouilles de Tinosul, стр. 205, в Ольвии.

⁴ V. Păgvan, ук. соч., стр. 796.

⁵ «Dacia», I (1924), стр. 205, прим. 2.

⁶ «Dacia», III—IV (1933), стр. 282.

⁷ А. Н. Зограф, Античные монеты, МИА, 16 (1951), стр. 101.

греческие монеты воспроизводились не в точности, а со значительными, нарочитыми отступлениями от оригинала. Множество монет-подражаний представляют собой смешанный тип: некоторые из них копируют лицевую сторону с монет Александра Македонского, а обратную — с монет Филиппа II¹, другие сочетают типы сразу трех популярных в греческом мире монет: Филиппа II, Александра Македонского и острова Фасоса². Нельзя отказать гетским монетариям и в творческом подходе при чеканке монетных подражаний, определяемом вкусами, господствующими среди фракийцев: недаром они на оборотной стороне монет, подражающих тетрадрахмам Александра Македонского, вместо обычного изображения Зевса на троне, чеканят скачущего всадника — мотив очень близкий в бытовом отношении фракийцам и тесно связанный с их религиозными представлениями. Относительно времени начала чеканки этих монет у публиковавших и исследовавших их ученых нет определенного мнения; однако датировка колеблется лишь между III в. и II в. до н. э.

Развитие торговли с римлянами засвидетельствовано находками республиканских монет и римских изделий. Наиболее ранние из монет Римской республики датируются серединой III в. до н. э. (клад из *Serbel*, клад из *Stupini*)³. Усиление римского влияния на Дунае во II и особенно в I в. до н. э. повлекло за собой увеличение торговых связей Рима с местными племенами, количество римских монет сильно увеличивается именно в это время. Можно назвать множество кладов республиканских монет II—I вв. до н. э. и отдельных находок, обнаруженных в северной Болгарии⁴, в Валахии, Молдавии, Трансильвании⁵. Продвижение римлян шло главным образом по водному восточному пути (Понт Евксинский — Дунай) или же по водному западному пути (Адриатика — Сава — Дунай)⁶. Торговые связи гетов с римлянами в эпоху республики достигают максимального размаха в середине I в. до н. э.⁷ Очевидно, со II в. до н. э. римские денежные знаки были на Дунае настолько общепринятыми и привычными, что для местной торговли, наряду с подражаниями монетам эллинистических монархов, появляются подражания римским республиканским монетам. И те и другие подражательные монеты имели одновременное хождение, так как они найдены в одних и тех же кладах⁸. Подражания римским денариям чеканились со своих собственных матриц: об этом свидетельствует находка штампа для чеканки монет, сделанная при раскопках в 1949 г. третьего археологического слоя в Пироборидаве (*SCIV*; I, 1950, стр. 48).

Развитие производства должно было иметь своим следствием дальнейшее разложение родового строя, усиление политического и экономи-

¹ O. F l o s a, Monnaies «daciques» du type Hunedoara, «Dacia», XI—XII (1945), стр. 74.

² O. F l o s a, Considerațiuni asupra unor monete barbare dace, Deva, 1935, стр. 26. К такого рода отступлениям нельзя отнести стилистические изменения, которые преобладают типы оригинальных греческих монет на варварских имитациях, сделанных менее умелыми резчиками и при более низкой, чем у греков, технике монетного дела.

³ Dorin P o r e s s u, Nouveaux trésors gëto-daces en argent, стр. 68.

⁴ ИВАД, 1910, стр. 224; ИБАИ, I (1921/22), стр. 244; ИБАИ, V (1928/29), стр. 382; ИБАИ, XI (1937), стр. 320 и др.

⁵ Сводку находок римских монет см. у В. M i t r e a, Le trésor de Fărșele, «Dacia», IX—X (1941—1944), стр. 379—380.

⁶ V. P â r v a n, ук. соч., стр. 796.

⁷ На материале кладов из Валахия Б. Митреа подсчитывает, что процент римских монет в гетских кладах III века до н. э. был равен 1, 81, во II в. до н. э. — ок. 20, а в I в. до н. э. колебался от 66,6 до 77,2.

⁸ См., например, «Descoperirea monetara dela Sfintëști», «Materiale arheologice privind istoria veche a RPR», I (1950) стр. 507—522.

ческого веса родовой знати. Об этом свидетельствуют многочисленные клады IV — I в. до н. э., которые собирались несколькими поколениями¹. Скорее всего эти богатства переходили по наследству. Количество монет в отдельных кладах чрезвычайно велико². Помимо монет, в кладах находят множество других ценностей: серебряные вазы, браслеты, цепочки, кольца, фибулы и другие предметы³. Большинство этих кладов относится именно к I в. до н. э.⁴.

Процесс имущественного расслоения и выделения отдельных знатных и богатых семей к I в. до н. э. приводит к усилению власти племенных вождей. Об этом свидетельствуют характерные надчеканки на многих местных подражательных монетах. На монетах из центральной Трансильвании надчеканки представляют собой полуовальные печатки в центре лицевой или оборотной стороны, на монетах I группы по классификации Попеску — треугольники, на монетах из VII группы по той же классификации — руку с тремя пальцами. Эти надчеканки, как это обычно бывает, могли появиться только как знак, удостоверяющий полноценность монеты после происшедших в обществе изменений — чаще всего после происшедшей смены в правлении. В связи с этим приходится считать, что монета чеканилась не общинными властями, постепенное изменение в среде которых не могло вести к необходимости надчеканки монет, а главой племени, вождем, уже в значительной степени подчинившим своему авторитету совет старейшин, народное собрание и другие институты, связанные с общинно-родовым строем.

Рассмотренные данные позволяют, таким образом, считать, что в III — I вв. до н. э. гетские племена переживали ту ступень разложения первобытно-общинного строя, за которой следует период становления классового общества и государства.

*

Обычно появление могущественного союза племен под руководством Биребисты в буржуазной историографии рисуется как внезапное явление, в котором решающую роль играл военный и административный «гений» Биребисты. Мы пытались доказать, что все предшествовавшее эпохе Биребисты экономическое развитие гетских племен подготовило возникновение этого крупного политического объединения. В I в. до н. э., когда этот правитель появился на исторической арене, гетские племена уже

¹ Так, например, в кладе из Cerbel найдены римские республиканские монеты с 267 по 44 г. до н. э., в кладе из Pemeiea — с 144 до 16 г. до н. э., в кладе из Stupini — монеты от III в. до н. э. до 42 г. до н. э., в кладе из Butculesti со 172 по 77 г. до н. э. (Dorin Popescu, Nouveaux trésors géto-daces en argent, стр. 68; G. N. Stefan, Un petit trésor de monnaies decouvert en Valachie, «Dacia» IX—X, 1945). Труднее датировать клады, содержащие монеты-имитации эллинистических монархов, однако и по аналогии с кладами римских монет и по количеству собранных здесь ценностей невозможно представить себе, что приобретение их было сделано одним поколением или одним человеком.

² В кладе из Apoldul de Sus — 500 римских денариев республиканской эпохи, в кладе из Barboși — 517 римских денариев республиканской эпохи и эпохи Августа, в кладе из Stupini — 400 республиканских денариев, в кладе из Someșul — 438 серебряных монет, в кладе из Hadulești — около 300 серебряных монет-имитаций.

³ Dorin Popescu, Objets de parure géto-daces en argent; о н ж е, Nouveaux trésors géto-daces en argent.

⁴ Дорин Попеску («Dacia», IX—X, 1945) насчитывает 60 гето-дакийских кладов, относящихся главным образом к I в. до н. э. На территории современной Болгарии найдены клады, состоящие из множества серебряных ваз (ИБАН, XII, 1938, стр. 442).

имели также и длительную традицию политических объединений, величина и мощь которых менялись в зависимости от обстоятельств.

Изучавшие клады монет-имитаций (из Tulghes, Radulești, Sălasul de Sus, Temeșești и других пунктов Трансильвании) румынские нумизматы О. Флока и Д. Попеску обратили внимание на то, что монеты сильно разнятся между собой по технике чеканки и деталям изображения, хотя они и подражают сходным оригиналам. Сгруппировав сходные между собой монеты, ученые выделили несколько монетных групп, каждая из которых имеет преобладание в какой-либо из областей Трансильвании и Баната. И хотя в близлежащих областях встречаются монеты из других районов, все же можно очертить территории, для которых характерна та или иная группа монет, выпускаемая одной монетарней и часто одним и тем же резчиком¹. Таким образом, с одной стороны, наличие преобладающих в отдельных областях монетных групп дает нам основание полагать, что каждая из них являлась результатом самостоятельной племенной чеканки; с другой стороны, следует отметить, что монеты одной из областей сплошь да рядом находят в соседних территориях в виде отдельных находок или же в кладах².

Это обстоятельство свидетельствует о наличии тесных экономических связей между племенами, что явилось предпосылкой возникновения общегетского племенного союза.

Определяемые при помощи данных о находках монет племенные области охватывают значительные территории, на которых, несомненно, жило не одно, а многие племена.

Естественно, что монеты племенной чеканки не могли сохранить для истории имена вождей этих племен. Однако до нас дошла из Истрии греческая надпись II в. до н. э. в честь Агафокла, сына Антифила, в которой упоминается вождь фракийцев Золтес и правивший по соседству с Истрией «царь» Ремакс, который владел землями за Дунаем³. Не желая попасть в зависимость к Золтесу, захватившему уже местечко Бидзону, находившееся приблизительно в 150 км. от Истрии⁴, истрийцы обратились за помощью к Ремаксу. То обстоятельство, что Ремакс, земли которого были отделены от Истрии Дунаем и многими километрами суши, мог своим авторитетом защитить этот греческий город от нападавшего на него соседнего врага, свидетельствует о влиянии этого «царя», которое, вероятно, основывалось на его больших территориальных владениях в Валахии на левобережье Дуная и на сильном войске или же просто объяснялось расширением владений Ремакса вплоть до Истрии. Имя другого «царя» — Орола, стоявшего во главе гетов тоже во II в. до н. э. и удачно сражавшегося с бастарнами, упоминает Юстин (XXXII, 3, 16). Большое значение для истории одного из племенных объединений гетов, непосредственно предшествовавших времени Биребисты, имеет надпись, поставленная в честь Акорниона, сына Дионисия, представляющая декрет жителей Дионисополя, в котором Акорнион прославляется за удачное исправление жреческих и особенно посольских обязанностей

¹ Так, например, выделена группа монет из восточной части Баната (II группа монет по Попеску), из северной Трансильвании (VI группа по Попеску), из западного Баната (XI группа по Попеску) и центральной Трансильвании (монеты из Sălasul de Sus, Radulești и других пунктов), отмеченные О. Флока.

² Например, в кладе из Tulghes, состоящем из 104 серебряных монет, издатель насчитывает несколько групп, характерных для различных гетских областей. То же явление прослеживает и О. Флока, нашедший в кладах из Cugir, Sibesel и Тос монеты из различных областей (O. Floca, Monnaies «daciques» du type Hunedoara, стр. 102).

³ R. Vulpe, La Dobroudja, стр. 90.

⁴ См. Т. В. Блаватская, ук. соч., стр. 152.

(МИС, № 18). Начальные слова надписи¹ сообщают, что Акорнион был послан для переговоров к отцу Биребисты, столица которого помещалась в Аргадаве². Весьма вероятно, что слова декрета об этом посольстве относятся к событиям 62—61 гг. до н. э., когда правитель Македонии Гай Антоний Гибрида грабительской политикой восстановил против Рима западнопонтийские города. В. В. Латышев весьма убедительно доказывает, что зиму 62/61 г. Антоний Гибрида и его войско провели в Дионисополе (Ποντική, стр. 226), вследствие чего дионисополитяне более других городов страдали от римского самоуправства. Можно предположить, что упоминаемое в декрете посольство Акорниона к отцу Биребисты имело целью получить помощь от гетов против римлян в 61 г. до н. э.³ В результате этого войска гетов под руководством отца Биребисты, вероятно, участвовали на стороне дионисополитян в битве при Истрии, принесшей римлянам поражение. Если эти предположения верны, то царство отца Биребисты в Банате имело большое влияние не только за Дунаем, но и во всей придунайской области.

Таким образом, объединение племен, возникшее при Биребисте, было подготовлено существованием в течение III—I вв. до н. э. ряда более мелких племенных союзов.

Время правления Биребисты совпадает со временем правления Цезаря в Риме⁴. Совпадает почти точно и время их смерти: Биребиста был убит примерно в то же время, что и Цезарь (Strabo, VII, 3, 5).

Для характеристики социально-экономического строя гетов во времена Биребисты имеется очень мало данных, поэтому не приходится пренебрегать ни одним косвенным свидетельством.

Одним из наиболее важных вопросов при характеристике социально-экономического строя является вопрос о формах собственности, в частности земельной. Интересные сведения о формах земельной собственности у гетов дает Гораций: «Живут и дикие геты, которым неотмеренные участки приносят свободные плоды и урожай, и им не нравится обработка долее года, а утомленного трудами заменяет в равной доле его сменивший». (Satm., III, 24). Сообщение Горация достаточно ясно свидетельствует о наличии у гетов общинного землепользования. Это свидетельство подтверждается и надписями даже более позднего времени. Так, надпись из Добруджи сообщает о межевых камнях, поставленных между виллой некоего фракийца Бесса Ампуда и землями крестьян — бутеридавцев⁵. Надпись эта,

¹ R. Vulps, La Dobroudja, стр. 99, прим. 2, восстанавливает это место в надписи: εἰς Ἀρχάδαον πρὸς τὸν πατέρα [τοῦ βασιλέως Βιρεβίστα] παραγόμενος... Б. Н. Г р а к о в, МИС, № 18, не считает возможным восстановить лагуну и переводит «...отправился в Аридав к его отцу... прибывши и встретившись вместе... от него приобрел... освободил народ».

² Это место упоминается у П т о л е м е я (III, 8, 3), в Tab. Peut. и может быть локализовано к северу от Arus и к югу от реки Берцавы (RE, II, 602, Arcidava, ст. Томашека) в Банате. Оно может быть идентифицировано с Arcidava, гето-дакийским, позже — римским поселением.

³ Как сообщает К а с с и й Д и о н, греки обратились за помощью также к скифам и бастарнам (XXXVII, 10, 3). Не безинтересно в этой связи отметить также, что знамена, потерянные Антонием Гибридой в этой битве, хранились в качестве трофеев у гетов, в гетском укреплении Генукле, где более чем через 30 лет их нашел римский полководец Марк Лициний Красс, (Cass. Dio, LI, 26, 5.)

⁴ Strabo, VII, 3, 5; Suet., Caes., 44; Dio Chrys., XXXVI, 4, 5 = ВДИ, 1948, № 1, стр. 229. Борисфенитскую речь Диона Хрисостома В. В. Л а т ы ш е в, Исследования об истории и государственном строе Ольвии, стр. 148, относит ко времени ок. 100 г. н. э., а издатель Диона Хрисостома Арним — к 95 г. н. э. (Berol., 1896). Нападение Биребисты, по Диону, произошло за 150 лет до произнесения этой речи, т. е. в 50 или 45 г. до н. э.

⁵ CIL, III, 1447: termini positi inter villam Bessi Ampudi et vican[os] B[ute]ridavenses.

относящаяся уже ко II в. н. э., с одной стороны, отражает новые отношения — появление частной земельной собственности (*villa Bessi Arpudi*), а с другой стороны, указывает на сохранившиеся еще общинные формы владения землей у крестьян Бутеридавы.

Еще более скудны и менее определены известия источников о классовой структуре гетов во времена Биребисты. Некоторые сведения по этому вопросу можно почерпнуть из Афиней, который сообщает: «Агатархид из Книда рассказывает в тридцать восьмой книге *Εὐρωπαϊκῶν*, что дарданы имели так много „дулов“ (*δοῦλοις*), что один человек имел тысячу..., а другой и более. Каждый из них (*τούτων*) обрабатывал в мирное время землю, а в военное время участвовал в армии под командованием своего вождя (*δεσπότην*)»¹.

Дарданы, о которых идет речь у Агатархида, занимали юго-западную часть владений Биребисты (Strabo, VII, 3, 11; VII, 5, 2), населяя территорию в будущей Верхней Мезии, между течением рек Тимока, Маравы и Дрины (Strabo, VII, 5, 7 и 8; Ptol., III, 9, 2; Plin., IV, 3). Иллирийцы в основном, дарданы включали на востоке также и гето-дакийские элементы, о чем свидетельствуют дакийские корни в топографической номенклатуре их области². Достоверность сообщения Агатархида о тысяче и более дулов у дардан в случае, если понимать термин *δοῦλος* как «раб», уже а priori вызывает большое сомнение и потому, что такого высокого развития рабство достичь у дардан во II в. до н. э. не могло, и потому, что невозможно себе представить войско, состоящее из рабов. Это сомнение углубляется еще и тем, что, как сообщает Страбон, столетием позже писавший о дарданах: «...Дарданы были совершенно дики, до такой степени, что даже устраивали себе жилища в пещерах, вырытых под навозными кучами» (VII, 5, 8); о «дикости» дардан Страбон упоминает и в другом месте (VII, 5, 11). При таких обстоятельствах термин *δοῦλος* правильнее будет трактовать иначе, тем более, что он имел самое широкое значение³. Из всех перечисленных в исследованиях Я. А. Ленцмана и И. Д. Амусина осмыслений слова *δοῦλος* в данном случае, на наш взгляд, подойдет то, при котором дулом называет себя подданный по отношению к своему политическому руководителю⁴.

При таком понимании этого термина текст Агатархида надо толковать в том смысле, что вожди⁵ дарданцев руководили тысячью и более подчиненных им одноплеменников, которые во время войны сражались под их руководством, а в мирное время обрабатывали землю. Правда, в сообщении Агатархида имеется некоторое подчеркивание зависимости тех, кого Агатархид называет «дулами», от их *δεσποτῶν*. Его можно отнести

¹ Агатархид из Книда, на которого ссылается Афиней, писал в конце II в. до н. э.; его «История Европы» состояла из 49 книг. Многие из историков древности использовали его сведения. Страбон, который очень разборчиво относился к источникам своего труда и умел блестяще разобраться в их достоверности (см., например, *Strabo*, VII, 3, 10), перечисляя замечательных людей из Книда, упоминает «перипатетика и вместе историка» Агатархида (XIV, 2, 15) и ссылается в своем труде на его сведения (XVII, 4, 20). Его труды пользуются также Дидор (III, 38, 1 и III, 5—10), Артемидор (8-я книга) и другие историки древности. Нам кажется, что те 50—70 лет, которые отделяют время Агатархида от времени Биребисты, не могли принести существенных изменений в поземельных отношениях, так как такие изменения вообще происходят сравнительно медленно.

² W. Tomaschek, *Die alten Thraker*, SBWA, CCXXVIII, 25 и CCXXXI, 70.

³ См. Я. А. Ленцман, О древнегреческих терминах, обозначающих рабов, ВДИ, 1951, № 2, стр. 58; И. Д. Амусин, Термины, обозначающие рабов в эллинистическом Египте по данным Септуагинты, ВДИ, 1952, № 3, стр. 55.

⁴ Я. А. Ленцман, ук. соч., стр. 57; И. Д. Амусин, ук. соч., стр. 57.

⁵ Такой вариант перевода термина *δεσπότης* см. Liddell—Scott, *A Greek-English Lexicon*, 381, II.

либо за счет непонимания античным автором первобытно-общинных порядков, либо, и это более вероятно, за счет имевшихся у Агатархида сведений о могуществе дарданской знати, окружавшей себя тысячами клиентов.

Не доказывает еще развития рабовладения и свидетельство Овидия, который сообщает, что когда Дунай покрылся льдом, на жителей Том напали варвары, которые опустошали страну и уводили пленных (Trist., III, 10, 61—63), так как факт захвата пленных еще не означает использования их в качестве рабов самими варварами (это были скорее всего геты либо сарматы¹): в условиях соприкосновения с рабовладельческим миром соседние племена быстро усваивали способ использования пленных в качестве объекта торговли с иноземными купцами.

Некоторые косвенные свидетельства, однако, показывают, что процесс классовой дифференциации гетов во времена Биребисты зашел достаточно далеко. Иордан, ссылаясь на Диона Хрисостома, говорит, что «... между ними (т. е. между гетами. — Т. З.) имелись сначала так называемые tarabostesei (позже их стали называть pilleati), которые были благородными и из которых назначались их цари и жрецы»².

Наличие более раннего гетского термина tarabostesei наряду с латинским pilleati дает основание считать, что резкое деление на знать, носившую на голове войлочный колпак (pilleus), и простых гетов, ходивших с непокрытой головой³, полностью оформилось еще до времени интенсивного проникновения римской культуры и языка за Дунай, наступившего после дещебаловых и траяновых войн.

По поводу термина tarabostesei интересное соображение высказано Пырваном (ук. соч. стр. 147), который указывает, что вторая часть этого слова—bostes—звучит и в имени Биребисты. В двух надписях⁴ Биребиста назван Βιρα-βειστας; Томашек (Thraaker, II, 12, стр. 17) приравнивает гетское слово beistas, boste, beista к латинскому nobilis.

Кастовость наиболее знатных семей проявилась, повидному, и в татуировке их представителей особыми знаками. Так, Дион Хрисостом сообщает, что наиболее благородные из фракийских женщин имели узорные значки (Dio Chrys., XXXVI, II, 48, Dind). Скорее всего, Дион имеет здесь в виду гетов, историей которых он специально занимался и имел о ней прямую информацию. О татуировке среди даков сообщает также Плиний (NH, XXII, 2 и VII, 10,1). Возможно, что у некоторых из гетских племен были общие племенные знаки на коже, однако подобно тому, как это было у агафирсов (Mela, II, 9 = ВДИ, 1948, № 1, стр. 281) и других племен, о которых говорит Геродот (V, 6), более благородные имели больше знаков на коже, чем остальные.

В. В. Латышев, комментируя слова Помпония Мелы о татуировке у агафирсов по степени благородства, отмечает, что Геродот (IV, 104) не упоминает об обычае татуировки тела агафирсов. Последнее известно лишь поздним и преимущественно латинским авторам (ВДИ, 1949, № 1, стр. 281, прим. 5). Вероятно, этот обычай появился у агафирсов позже, в связи с имущественным расслоением в их среде. Социальный подход при татуировании подчеркнут в словах Артемидора (II в. н. э.) о том, что

¹ И те и другие постоянно упоминаются у Овидия.

² Get., 40: qui dicit primum tarabosteseos, deinde vocatos pilleatos hos, qui inter eos generosi exstabant, ex quibus eis et reges et sacerdotes ordinabantur.

³ Изображения на траяновой колонне дают яркую иллюстрацию этому обычаю. См. C i c h o r i u s, Die Reliefs der Trajanssäule, В., 1896—1900, табл. CXXXV, CXLII, CXLIII, CXLIV.

⁴ E. K a l i n k a, Antike Denkmäler aus Bulgarien, Wien, 1906, № 95, стр. 89 и № 227, стр. 192.

«у фракийцев татуировались дети благородных, а у гетов рабы» (*Ὀνειροκριτικὴ*, I, 8 = ВДИ, 1948, № 1, стр. 262)¹.

Все эти скудные данные, взятые в их совокупности и при сопоставлении с приведенными выше археологическими материалами, позволяют все же утверждать, что во времена Биребисты у племен, входивших в возглавляемый им союз, уже сложился слой знати, которая, повидимому, стала претендовать на наследственное замещение племенных должностей. Так, хотя Дион Хрисостом (у Иордана, см. выше, стр. 86) и говорит о «назначении» (*ordinabantur*), т. е. избрании гетских царей, тем не менее упомянутая надпись в честь Акорниона (см. выше стр. 84) показывает, что отец Биребисты был также «царем», и притом весьма влиятельным в племенном мире за Дунаем. Таким образом, у гетов в рассматриваемое время, повидимому, как говорит Энгельс, «... вопреки в обычаи замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в мало оспариваемые права этих семей на занятие общественных должностей, ... эти семьи, и без того могущественные благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и ... эти их притязания были освящены находившимся еще только в зародыше государством» (ук. соч., стр. 113).

О характере власти Биребисты имеются весьма ценные известия Страбона и Иордана. Оба автора сообщают, что царю гетов приходилось серьезно считаться с влиянием жреца-мага Декеней, который считался богом. Так, Страбон сообщает, что для того, чтобы заставить народ повиноваться себе, Биребиста должен был прибегнуть к помощи Декеней (VII, 3, 11)², что он совещался с ним по всем вопросам, «видя, что народ повинуются ему теперь гораздо охотнее, чем прежде, как человеку, который составляет свои определения по совету самих богов» (VII, 3, 5). Иордан (*Get.*, 67) рассказывает, что именно по совету Декеней геты опустошили германские земли. Но тем не менее, согласно известию того же Иордана, власть Декеней была санкционирована царем Биребистой (там же). Что такая роль жреца-бога была у гетов явлением обычным, свидетельствует Страбон: «... И теперь у гетов, — говорит он, — всегда есть какой-нибудь советник царя, считающийся богом» (VII, 3, 5). О какой-то борьбе вокруг царской власти свидетельствует известие Страбона, который описывая, последние дни Биребисты, сообщает, что он «был лишен власти некоторыми бунтовщиками» (VII, 3, 11). Все эти смутные известия позволяют, однако, заключить, что во времена Биребисты у гетов происходил процесс зарождения царской власти, который у многих народов сопровождался явной или глухой борьбой между жречеством, знатью и военными предводителями. По большей части борьба эта заканчивалась союзом жречества с царской властью и военно-родовой знатью против народа.

Зародышевый характер царской власти у гетов времени Биребисты виден и из того факта, что в греческой надписи Биребиста титулуется *πρῶτος καὶ μέγιστος τῶν ἐπὶ Θράκης βασιλέων* «первый и величайший из царей фракийских» (упомянутый декрет в честь Акорниона). Из этой титулатуры ясно видно, что Биребиста был лишь первым среди других

¹ О татуировке среди гетов и соседних с ними племен см. Г. Капаров, Битва на старте траки според класическите писатели, София, 1912, стр. 30—31, а также В. Рагчап, ук. соч., стр. 740 и 170—171.

² О методах воздействия жрецов на народ интересные сведения можно почерпнуть у Полиена (VII, 22), который как раз о фракийцах рассказывает, что когда племена кебрени и скебон не стали слушаться заповедей своего владетеля, жрец Косинга запугал свою паству тем, что он поднимется со столба на небо и пожалуется богине.

«фракийских царей», т. е. вождей различных племен, входивших в возглавляемый Биребистой племенной союз¹.

То обстоятельство, что на территории подвластных Биребисте земель одновременно имели хождение и оригинальные республиканские римские монеты, и их имитации, и подражания эллинистической чеканке, и то, что Биребиста, по всей видимости, не выпустил своих собственных монет (или, по крайней мере, о них мы не знаем) и племенная чеканка, о которой говорилось выше, продолжала иметь место во время Биребисты, также свидетельствуют об определенной самостоятельности тех частей, из которых состоял союз Биребисты.

Тем не менее ряд дел, решение которых ранее принадлежало племенным царям, перешел к Биребисте, или же он решал их в высшей инстанции. Речь идет прежде всего о законах, которые, очевидно, были обязательны для всей подвластной Биребисте территории и которые сыграли какую-то крупную роль в возвышении страны. Об этом пишет Страбон (VII, 3, 11): «Упражнением, воздержанием от пьянства и повиновением законам страна настолько возвысилась, что в продолжение нескольких лет здесь образовалось сильное царство». О каких-то законах у гетов сообщает и Иордан, который приписывает создание их советнику Биребисты жрецу Декеню и отмечает, что еще и в его время они играли определенную роль в жизни гетов (Get., 69). К сожалению, у нас нет сведений о том, в чем состояло это «общегетское» законодательство, однако возникновение этого, очевидно возвышавшегося над обычаями отдельных племен, народного права уже само по себе предполагает подрыв, разрушение суверенитета племенных вождей и создание политической организации, объединяющей отдельные племена. Не подлежит сомнению то обстоятельство, что в вопросах внешнеполитического порядка авторитет Биребисты стоял также над властью отдельных племенных царей. Об этом достаточно красноречиво говорит надпись в честь Акорниона, посланного Биребистой к Гнею Помпею для переговоров в Гераклею на реке Лице в 48 г.²

Наконец, некоторые выводы о социально-политической структуре гетского общества можно сделать, основываясь на характере гетских завоеваний середины I века до н. э.

В середине I в. до н. э. геты совершали удачные походы в восточном, западном и южном направлении, и ареал их военной экспансии был чрезвычайно велик. Территории, подвергавшиеся их военным вторжениям, были значительно шире тех, о которых говорилось в начале статьи как о собственно гетских. Утверждение В. Пырвана (ук. соч., 80—81), что все земли, в которых геты побывали в качестве победителей, вошли в состав «империи Биребисты» представляется все же весьма рискованным.

На западе геты совершили удачный поход против боев и таврисков (Strabo, VII, 3, 11 и VII, 5, 2), которые в I в. до н. э. занимали землю в Норике и были соседями винделиков, ретийцев и гельветов. Страбон, который был очевидцем этих событий и описывал их вскоре после того, как они произошли, подчеркивает, что страна боев и таврисков была опустошена

¹ В этой связи интересно для сравнения напомнить, что царь одрисов Котис, правивший на юге Балканского полуострова немногим позже Биребисты, именуется βασιλεύς τῆς Ρομυτολίκιας, как и другие более ранние одрисские правители, подчеркивавшие этим не только свое единоначалие, но и законную, в силу наследования, преемственность своей власти от отца. Различие характера власти одрисских царей, возглавлявших южнофракийские племена, объединенные в государство, и власти Биребисты нашло отражение в титулатуре царя гетов.

² См. В. В. Латышев, *Почты́а*, стр. 237. Em. Soudigachi, *Burébista et les ci és pontiques*, SCIV, (1953), III—IV стр. 515—524, высказывает мнение, что военные действия Биребисты на северном и западном побережьях Понта были вызваны необходимостью обеспечить балканский фронт против римских вторжений.

Биребистой (VII, 5, 2), а сами бби, находившиеся под предводительством Критасира, и тавриски «были уничтожены в конце». Об этом же он говорит и в другом месте (VII, 1,5), когда сообщает о «пустыне ббев». Вероятно, опустошение страны было настолько сильным, а истребление населения столь кардинальным, что много лет спустя, в I в. н. э., Плиний также пишет о пустыне ббев¹. Все это настойчиво наводит на мысль, что геты не стремились освоить разоренные ими земли, не включали их в какую-либо гетскую административную систему управления, а отошли отсюда вскоре после разграбления страны. Во всяком случае даже Страбон земли таврисков и боев не считает гетскими землями (VII, 5, 2). Вероятно, и на юге, где геты дошли вплоть до Македонии, их завоевание носило характер опустошительного набега, так как Страбон пишет об опустошении Фракии до самой Македонии (VII, 3, 11).

Аналогичный характер носило гетское завоевание греческих городов Западного Понта. Как известно, походы Биребисты охватили западное побережье Понта от Ольвии до Аполлонии. Однако сведения о нападениях на некоторые из западнопонтийских городов, засвидетельствованные в надписях из Месембрии (IGR, I, 1502 = МИС, № 16), Том (SIG³, № 731 = МИС, № 19), Истрии (SIG³, № 708 = Т. В. Блаватская, ук. соч., № 11) и в борисфенитской речи Диона Хрисостома, в которой рассказывается о разорении Ольвии гетами и сведения которой блестяще подтверждаются археологическими раскопками², еще не могут служить свидетельством включения этих городов в состав гетских владений. Что касается Ольвии — самого восточного пункта походов Биребисты — то, повидимому, после разгрома города геты недолго задерживались в нем, ибо, как сообщает Дион Хрисостом, «после разгрома борисфениты снова заселили город», в нем было восстановлено влияние скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов. Возможно, разорение Ольвии, описанное Дионом Хрисостомом, не было единственным, так как сведения о постоянных нападениях гетов на этот город имеются уже в декрете в честь Никерата (IOSPE, I², № 34), который В. В. Латышев датирует первым десятилетием последнего века до н. э.³ Кажется, однако, что здесь у Днестра и Буга был положен конец гетской экспансии на восток. Возможно, решающую роль в этом сыграли скифы, задержавшие гетов у западной границы своего царства. Декрет из Истрии в честь Аристагора, сына Апагурия (SIG³, № 708) дает возможность полагать, что и этот город, подобно Ольвии, подвергался разрушению и разграблению, однако и в нем геты не укрепились, а отошли вглубь страны, в которой они были полными хозяевами: декрет говорит о варварах, владеющих этой страной, т. е. землями вокруг Истрии. Очевидно, разорен был и Одесс, из которого дошла надпись конца I в. до н. э., содержащая список 46 жрецов, занимавших должность «после возвращения жителей в город» (MDAI, т. X, 1885, стр. 317, № 5). Пребывание гетов в городе также носило временный характер, ибо в указанной надписи говорится об уходе и возвращении жителей, так же как и в надписи из Истрии в честь Аристагора, как о событиях, отделенных одно от другого небольшим промежутком времени. Геты пытались разграбить и Томы, откуда дошел декрет об организации чрезвычайного охранения города в связи с особенно тяжелым положением и опасностью, угрожавшей его обороне. Однако эти экстраординар-

¹ NH, IV, 146: *Noricis iunguntur lacus Peiso deserta Boiorum.*

² В. В. Фармаковский, *Ольвия*, М., 1915, стр. 17 и др.; В. Д. Блаватский, *Северо-понтийские города в конце II—I вв. до н. э.*, «Вестник МГУ», 1949, № 7, стр. 57.

³ В. В. Латышев, *Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии*, стр. 140.

ные меры, а еще в большей мере наличие мощных оборонительных стен в Томах¹ способствовали удачной обороне томитов и спасли их от той участи, которая постигла Ольвию, Истрию и Одесс.

Далее к югу, за хребтом Балканских гор, сила военных ударов Биребисты на побережье, очевидно, была ослаблена, как это с основанием предполагает Т. В. Блаватская (ук. соч., стр. 175—176), поддержкой, оказанной греческим городам одрисским царем; во всяком случае не подлежит сомнению, что месембрийцы оказали стойкое сопротивление Биребисте и отстояли свой город от гетов².

Таким образом, перечисленные надписи свидетельствуют о разрушении и разграблении гетами большинства греческих городов западного побережья Понта и Ольвии; они, однако, в равной мере свидетельствуют и о том, что пребывание гетов носило временный характер, жизнь в этих городах налаживалась самими греками, что никаких наместников гетского царя или управителей, могущих закрепить их власть в греческих колониях, не было оставлено.

Таким образом, можно утверждать, что походы Биребисты, направленные против не-гетского населения, носили характер опустошительных набегов с целью грабежа или физического уничтожения тех соседних племен, которые представляли для гетов военную опасность. Они не ставили себе целью подчинение и планомерную эксплуатацию побежденных. Такая форма военной экспансии характерна для наиболее ранних этапов развития государства.

Для выяснения характера политического образования, созданного Биребистой, важно также обратить внимание и на то, что представляла собой его армия. Как известно, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что армия, отделенная от народа, особые отряды вооруженных людей являются силой, которая главным образом характерна для государства³.

Если доверять Страбону, то число воинов Биребисты доходило до 200 тысяч человек (VII, 3, 13). Даже во времена Александра Македонского греческая армия и во времена Августа — римская не достигли такой численности. Такое большое количество воинов у гетов настойчиво наводит на мысль о вооруженном народе, а не об отделенной от народа армии. Однако возможно, как это часто бывает у античных историков в тех случаях, когда они сообщают цифры варварских армий, Страбон преувеличивает численность войск Биребисты, и наше предположение о догосударственном типе армии Биребисты, сделанное на основании цифровых данных Страбона, ошибочно.

Есть, однако, другие данные, позволяющие считать армию гетов вооруженным народом. Еще во времена войн Децебала с римлянами армия гето-даков, повидимому, соответствовала вооруженному народу. Во всяком случае такое впечатление создается при рассмотрении тех скульптурных изображений, которые украшают *Тгораеум Траяни* — памятник, поставленный близ совр. Адамкисси в Добрудже в честь победы императора Траяна над даками в дакийских войнах. Сцены, изображенные на его метопах, воспроизводят события этой войны. Так, метопа № 9 изображает дакийскую семью, едущую на повозке: впереди два дака, за ними — дакиянка с ребенком. Метопа № 35 изображает дакийскую семью (возможно, ту же самую) в момент сражения: на повозку вскочил римский воин, вооруженный мечом и копьём; последним он наносит

¹ V. P â r v a n, Le mur d'enceinte de Tomi, Bucarest, 1915 («Analele Academiei Române, Memoriile sect. istorice», сер. II, т. XXXVII), стр. 426.

² IGrR, I, 1502 = МИС, № 16; Т. В. Блаватская, ук. соч., стр. 175.

³ См. В. И. Ленин, О государстве, Соч., т. 29, стр. 442; о н же, Государство и революция, Соч., т. 25, стр. 361.

удар даку, который еще пытается поразить его изогнутым дакийским мечом. Женщина на повозке умоляет римлянина о пощаде, ребенок, плача, пытается бежать. Геты эпохи Биребисты, конечно, не могли иметь более высокоразвитую организацию армии, чем во времена Децебала.

Не подлежит сомнению то обстоятельство, что в организации гетского войска во времена Биребисты произошли какие-то крупные сдвиги, которые дали возможность гетам, ранее терпевшим поражения¹, одерживать одну победу за другой над непобедимыми ранее врагами. Весьма вероятно, что отдельные воинские племенные подразделения, руководимые ранее племенными вождями, составили теперь лишь подразделения гетского войска, прошедшего определенную военную подготовку (Strabo, VII, 3, 11) и руководимого по единому стратегическому плану.

Исходя из сказанного выше о состоянии рабовладения и земельных отношений у гетов, характере их завоеваний, армии и особенностях политической власти Биребисты, мы считаем возможным утверждать, что созданное гетами в I в. до н. э. объединение еще не было государственным образованием и являлось племенным союзом того типа, о котором говорил Энгельс, исследуя пути возникновения государства: «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимостью даже и слияние их и тем самым слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию народа» (ук. соч., стр. 169).

¹ Strabo, VII, 3, 11: «Гет Биребиста, установив верховную власть над народом, поправил положение последнего, много претерпевшего от частых войн».